

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ВАСИЛИЯ ГРОССМАНА: НОВЫЕ НАХОДКИ

JULIA VOLOKHOVA, ANNA KRASNIKOVA

INDEPENDENT RESEARCHER, UNIVERSITÀ DEGLI STUDI ECAMPUS

j.volohova77@gmail.com, anna.krasnikova@uniecampus.it

Received November 2024; Accepted January 2025; Published online April 2025

The paper explores newly uncovered letters by Vasily Grossman, focusing on his correspondence with his father and wife Olga Guber. Recent discoveries in the Grossman-Guber family archive have revealed previously unknown letters, leading to new insights into the writer's personal and professional life. These letters illuminate Grossman's deep relationships, his experiences during pivotal moments, and his reflections on historical events, including the lengthy and challenging path to publishing his novel *Stalingrad* and the repercussions that followed. Additionally, wartime letters exchanged with Olga Guber offer a rare look into Grossman's life as a war correspondent and the complex circumstances surrounding his writing. Through these insights, the article enriches our understanding of Grossman's life, the era's cultural and political atmosphere, and the personal struggles that shaped his work.

Keywords: Vasily Grossman, Correspondence, Archival Research

1. Введение¹

Эта статья, посвященная эпистолярному наследию Василия Гроссмана, – продолжение и дополнение публикации, вышедшей в третьем номере журнала *L'Analisi linguistica e letteraria* за 2023 год (Krasnikova, Volokhova 2023). В ней мы рассказывали о трех коллекциях писем, которые мы обнаружили в государственных и частных архивах и подготовили к печати: письмах Гроссмана к отцу Соломону Иосифовичу (Семену Осиповичу), его переписке с женой Ольгой Губер и его письмах к последней любви, Екатерине Заболоцкой. Кроме того, мы анонсировали выход книги с этими тремя коллекциями – книги, которая станет первой крупной публикацией корреспонденции Гроссмана. Однако первая половина 2024 года принесла нам новые находки в семейном архиве писателя, собрания писем значительно пополнились, и выпуск книги был отсрочен. В настоящей статье мы представляем общее описание и результаты первичного анализа документов из корреспонденции Гроссмана с отцом и Ольгой Губер, обнаруженных в 2024 году (переписки с Заболоцкой, по очевидным причинам, в семейном архиве не содержится).

¹ Эта статья – совместная работа, осуществленная в тесном сотрудничестве двух авторов, при этом параграф 2 является областью особой ответственности Юлии Волоховой, а параграф 3 – Анны Красниковой.

Говоря о конкретной коллекции, прежде чем перейти к находкам 2024 года, мы будем кратко описывать отношения корреспондентов, состав корпуса в конце 2023 года, и уже затем указывать, что к нему добавилось в последующие месяцы.

Мы очень благодарны внучке Василия Гроссмана Елене Федоровне Кожичкиной (Губер), которая позволила нам работать в семейном архиве Гроссмана-Губер.

2. Письма к отцу

Гроссмана связывали с отцом Семеном Осиповичем (1873–1956) тесные отношения на протяжении всей его жизни. Как рассказывала дочь писателя Екатерина Короткова-Гроссман, Василий Семенович “родителей очень уважал, обожал, и это было широко известно всему Союзу писателей, потому что он всюду со своим папашей ходил” (Волохова 2020).

Родители Василия Гроссмана разошлись вскоре после рождения сына, но остались друзьями. Выросший с матерью, в начале 1920-х годов Гроссман жил в Киеве, откуда затем уехал в Москву. Первое известное нам письмо к Семену Осиповичу датируется 1925-м годом: двадцатилетний Гроссман учится в Московском университете, а отец, недавно поступивший на службу в Донецкий областной институт патологии и гигиены труда, содержит сына-студента.

2.1 РГАЛИ

Основной корпус писем Гроссмана к отцу находится в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Удивительную историю обнаружения этого собрания Екатериной Заболоцкой мы подробно изложили в предыдущей статье, здесь же ограничимся более сжатым рассказом. Весной 1963 года перед операцией по удалению почки Гроссман передал Екатерине Васильевне бумажный сверток, сообщив, что это письма от его матери к его отцу, и попросил уничтожить документы после его смерти. Екатерина Васильевна хранила долгие годы этот пакет, не открывая, а когда в 1990-м году решилась, наконец, выполнить обещание, то, по совету Семена Липкина, посмотрела, что в нем находится, и оказалось, что это действительно письма к Семену Осиповичу, но их автор не мать, а сам Василий Гроссман. Заболоцкая не смогла их сжечь и передала в ЦГАЛИ (теперь РГАЛИ: Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 62–75).

С середины 1990-х это эпистолярное собрание использовалось всеми биографами писателя (Garrard, Garrard 1996; Anissimov 2012; Бит-Юнан, Фельдман 2016; Popoff 2019). Более того, иногда оно оказывалось единственным источником информации, позволявшим с той или иной степенью точности реконструировать некоторые события жизни Гроссмана в определенные периоды: например, в студенческие годы, во время работы в Донбассе или же в самом начале его писательской карьеры, определить круг его общения, от близких друзей и родственников до коллег и знакомых.

Заболоцкая сообщает в преамбуле, сопровождающей корпус писем к отцу, что в пачке находилось 200 писем без конвертов, 180 датированных и 20 недатированных, написанных с 1925 по 1956 год, и к тому же одно письмо Семена Липкина и

одно – Екатерины Коротковой-Гроссман. Екатерина Васильевна немного ошиблась в подсчетах, атрибуции и датировке писем. В корпусе содержится 206 документов: 196 посланий Гроссмана отцу (в основном это письма, а также несколько записок и одна телеграмма) и письма Липкина и Коротковой-Гроссман, о которых писала Заболоцкая – и, кроме того, два письма Гроссмана к матери от 9 мая 1928 года и 20 февраля 1929 года, два его письма к жене отца Ольге Семеновне Роданевич, от 12 февраля 1927 года и 11 июня 1933 года, два письма к Женни Генриховне Генрихсон (Гендриксон) от 1941 года и 5 октября 1942 года, доверенность на имя отца от 1943 года и краткая недатированная и неатрибутированная записка, написанная женщиной. Последнее письмо Гроссмана отцу из этого корпуса датируется 15 августа 1950 года.

Учитывая, что Семена Осиповича не стало в мае 1956 года и что отец и сын десятилетиями вели регулярную переписку, нам представлялось очень вероятным, что письма первой половины 1950-х годов существовали – но неизвестно было, сохранились ли они и, если сохранились, где находятся.

2.2 Семейный архив

В 2024 году мы получили доступ к архиву Гроссмана-Губер и обнаружили в нем новые письма Гроссмана к отцу и одно письмо отца к Гроссману – документы, ранее нигде не цитировавшиеся и не упоминавшиеся.

25 писем Василия Гроссмана датируются 1950-ми годами: самое раннее – 29 июля 1951 года, самое позднее – 17 октября 1955 года. Кроме того, было найдено окончание письма от 21 декабря 1933 года, первая часть которого находится в РГАЛИ и до сих пор была не датирована. Возможно, в 1950-м или начале 1951 года, Семен Осипович упаковал письма, полученные от сына в 1925–1950 годах, – и именно эту пачку Гроссман затем передал Заболоцкой, а те, что получал позже, в пакет не добавлял. Фрагмент письма 1933 года – исключение; предположительно, он мог затеряться, и поэтому не был присоединен к остальным, когда Гроссман-старший упорядочивал свою корреспонденцию.

Все письма Гроссмана отцу разрозненно хранились в семейном архиве и не были как-то специально систематизированы. Все они хорошо сохранились, и их расшифровка была проведена без особых затруднений.

В этих письмах мы получаем свидетельства самого Гроссмана о событиях первой половины 1950-х годов. Это тем более ценно, что из корреспонденции писателя с его близкими в 1950–1954 годы ранее было известно лишь о сохранившихся письмах Семену Липкину (Гроссман 2016). Письма Ольге Губер 1949–1954 годов, к примеру, не сохранились или пока не найдены.

Один из ключевых сюжетов недавно найденных писем к отцу – переживание Гроссманом истории с прохождением в печать романа *Сталинград* (*За правое дело*), а также травля после публикации романа.

Гроссман отправляет *Сталинград* в редакцию *Нового мира* в августе 1949 года, после чего роман переживет несколько итераций редактуры и правок, цензурных проверок и подгонок под требования идеологии и будет опубликован лишь в 1952

году. В *Дневнике прохождения рукописи*², который Гроссман вел все эти три года, есть записи, описывающие ситуацию лета 1951 года. От 30 июня:

Позвонил Фадеев³. Сообщил, что накануне говорил с Сусловым. Суслов сказал, что вопрос согласован, существует общее мнение о публикации романа. Остается лишь согласовать вопрос с Хрущевым в отношении мест книги, в которых речь идет о нем. (Цит. по: Бочаров 1990, 170)

И от 11 июля:

Написал письмо Фадееву с просьбой передать товарищам, решающим судьбу *Сталинграда*, дать мне любой, лишь бы окончательный ответ. Нет сил больше. (Там же)

О томительном ожидании ответа из редакции *Нового мира* Гроссман пишет отцу в четырех письмах. 29 июня 1951 из дома отдыха в Малеевке:

К сожалению, есть в этой идиллии проруха – и ничего нового на фронте этой моей прорухи нет. Ждать, правда, здесь легче, чем в Москве – по крайней мере нет телефона.

12 августа, сразу после возвращения из санатория в Москву, он сообщает отцу, который в этот момент находится в Молдове:

Москва встретила нас духотой и жарой, а также полным отсутствием новостей. Правда, сегодня воскресенье, так что в редакцию я позвоню лишь завтра, но уж, конечно, были бы новости, я бы их и в Малеевке узнал. Ну, ладно, ждали много, подождем еще – мы привычные.

Ожидание решения о *Сталинграде* становится канвой жизни Гроссмана. 17 августа он пишет:

У меня жизнь идет уж по московскому: работаю, гуляю, жду решения. Это мои главные занятия.

Ожидание стало настолько привычным, что часть напряжения спала. 1 сентября он сообщает отцу:

У меня жизнь идет по-старому, новостей у меня по-прежнему нет, но это уж стало привычно, и я более или менее спокойно их ожидаю. Работаю ежедневно

² Оригинал *Дневника прохождения рукописи* хранится в РГАЛИ: Ф. 1710. Оп. 2. Ед. хр. 1.

³ Александр Фадеев в 1946–1954 годах был генеральным секретарем и председателем правления Союза писателей СССР.

над второй частью книги [*романом* Жизнь и судьба. – Ю.В., А.К.], дело понемногу движется, и это меня тешит.

Фадеев обсудил с Гроссманом роман лишь в октябре и ноябре 1951 года, и лишь весной 1952 года лед тронулся (см. об этом: Бочаров 1990, 171). Роман был издан в 7–10 номерах “Нового мира” за 1952 год (Гроссман 1952) под заглавием *За правое дело*.

Ранее нам было доступно единственное эпистолярное свидетельство Гроссмана о том, как проходило печатание романа летом и осенью и что при этом чувствовал писатель. В августе 1952 года он пишет Семену Липкину:

В Москве в *Новом Мире* проходит сейчас 3-й кусок, верстка. Завтра начнут мне раньше срока, – чтобы мог в Коктебель поехать, – давать гранки последнего четвертого куска. Разговоров много – пока без шипов, но по закону ботаники должны быть и они. А ты что слышишь? Но что ж! Ты ведь знаешь мое чувство: *главное [выделение автора. – Ю.В., А.К.]* свершается. И я, знаешь, по-прежнему остро и кажется глубоко чувствую и понимаю это. Ощущение такое же, как при напечатании первого рассказа *В городе Бердичеве*. А, пожалуй, даже сильнее. (Гроссман 2016)

Теперь же к этому добавляются и сведения из двух писем отцу. Здесь мы также видим, что Гроссман доволен тем, что работа идет и что на книгу уже начинает приходить множество отзывов. 20 июля, после выхода первой части романа в *Новом мире*, он пишет: “В редакции все идет благополучно пока. Очень много отзывов.”

Однако параллельно он говорит и о том, что нервы его по-прежнему расшатаны – расшатаны, очевидно, трехлетней историей с публикацией романа. В сентябре 1952 года, впервые приехав на отдых в Коктебель, он сообщает отцу:

Уезжая из Москвы, я успел прочесть верстку 10-го номера и все согласовал, так что на душе спокойно. Но, видимо, нервы свои так издергал, что даже и здесь нахожу почву для неврастения и раздражительности, – уж очень много здесь людей, а люди бывают разные. Но это так, минутные пустяки. В общем я очень доволен.

Еще один сюжет из биографии Гроссмана, о котором мы узнаем больше благодаря письмам к отцу из семейного архива, – его пребывание на даче у Семена Липкина в марте 1953 во время травмы писателя после публикации романа *За правое дело*. В своей книге *Жизнь и судьба Василия Гроссмана* Липкин так пишет об этом времени:

... мучительный, страшный, долгий путь романа *За правое дело*, когда мы с Василием Семеновичем затаились у меня на даче в Ильинском и каждый ночной порыв ветра, стук ставен, шаги в безлюдной улице пугали: “Они пришли.” (Липкин 1990, 19)

В другом отрывке из книги Семен Израилевич добавляет и бытовых деталей:

Мы с Гроссманом решили это смутное время пережить, вернее, укрыться на моей даче в Ильинском по Казанской железной дороге. Жили мы так. Я закупал в закрытом городке Жуковском провизию (тогда это было просто), мыл посуду, а Гроссман готовил обед, каждый день один и тот же наваристый суп. (Там же, 32)

Из свидетельств самого Гроссмана до сих пор были известны лишь строки из его письма к Липкину от 22 июля 1954 года. Гроссман вспоминает не об ужасах травли, а, ностальгически, о том хорошем, что было в их дачном затворничестве:

Вспомнилось мне Ильинское, дачная идиллия – печь, игра в дурака, суп из мака-
рон, прогулки на станцию, оттепель, гремящая ведрами Маня. (Гроссман 2016)

Нами найдено два письма к отцу, написанных из Ильинского в марте 1953 года. Их настроение соответствует тому, что мы наблюдаем в письме Липкину от 1954 года: тон ровный, а речь идет не о мучительном ожидании ареста, а о радостях загородной жизни с верным другом – и о том самом супе, которым писатель явно гордился. В первом письме, отправленном в начале-середине марта, Гроссман, в частности, сообщает:

Дорогой папа, пишу несколько слов, – живу на даче, чувствую себя хорошо – много гуляю, читаю. Тут очень пустынно, тихо, спокойно. Воздух свежий, чистый. Ночью среди высоких сосен видны звезды. Дом здесь теплый, сам топлю печь углем и дровами. Живет тут и мой любезный дачевладелец Семен Из[раилевич] – мы с ним отлично хозяйничаем. Скажу откровенно, что супы у нас получаются получше того, которым ты меня угощал, зато такого жаркого, какие ты зажарил, мне пока еще не создать. Однако я не теряю надежды под-
нять свою кулинарную квалификацию.

Прошла уж неделя, как я живу на даче. Думаю побыть здесь еще, – так как мне спокойней и приятней жить здесь, да и для здоровья хорошо подышать возду-
хом. В дневные часы солнышко светит и греет чуток по-весеннему.

Второе письмо, от 18 марта, передает то же, чуть ли не безмятежное настроение:

Продолжаю свое дачное житье, оно мне так нравится, что жалко с ним расста-
ваться. Думаю, что пробуду здесь до 25–26-го. Как только переберусь в город,
позвоню тебе.

Пришла весна. Дни чудесные, солнце светит и греет, небо легкое, весеннее, в
дневные часы с крыш со звоном и сверканьем падают капли. Я давно уж мечтал
встретить весну за городом, да из года в год мешали обстоятельства. Вот, нако-
нец, в этом году удалось, правда при не самых благоприятных обстоятельствах.
Но вот так случилось, что именно эти неблагоприятные обстоятельства помогли
мне увидеть всю прелесть ранней весны, первых весенних дней.

Здоровье мое и хозяйство домашнее в порядке.

Письма к отцу 1950-х годов проливают свет на отношения Гроссмана и его близких людей, например, старшей двоюродной сестры Надежды Моисеевны Алмаз (1897 – не позже 1961), которая сыграла важнейшую роль в становлении Гроссмана как писателя. Мы знаем об их дружбе, о реакции Гроссмана на аресты Надежды Моисеевны, первый из которых произошел в 1933 году, именно из писем к отцу 1920-х и 1930-х годов. О судьбе Алмаз в 1950-е годы ранее было известно мало, в основном из писем Гроссмана к Ольге Губер. Сейчас же, благодаря недавним находкам, мы знаем, что она жила в Москве у общих с Гроссманом родственников: их двоюродного брата Виктора Шеренциса и его жены Клары, – пыталась получить отдельную комнату, болела, и что происходящее с ней заботило Гроссмана.

В письме от 22 октября 1953 года, Гроссман пишет отцу из Коктебеля:

Ты пишешь, что Надя переселилась этажом выше. Я этому очень порадовался – ведь будет удобней и душевно легче и ей, и Кларе с семейством. А в смысле комфорта, мне кажется, разницы почти никакой, поскольку она весь день будет проводить у Клары. Однако, я почти одновременно получил от Нади письмо и чувствуется, что она этим переселением не довольна, тон письма нервный. Все ее надежды на то, что Моссовет предоставит ей комнату.

Год спустя Гроссман снова в Коктебеле и снова пишет отцу о Надежде Алмаз, на этот раз о ее болезни:

Надины новости меня тоже очень порадовали, о них я узнал из ее письма; она пишет, что и со здоровьем у нее как будто пошло на лад, температура уже не так скачет и сердце врачи находят в значительно лучшем состоянии. (Письмо от 7 октября 1954 года)

Надя по-прежнему в больнице, пишет, что чувствует себя лучше несколько, но все время продолжает терять в весе, – что уж ей терять. (Письмо от 22 октября 1954 года)

Еще один человек, о котором Гроссман пишет регулярно в своих письмах – его дочь Катя (Екатерина Васильевна Короткова-Гроссман, 1930–2020): в начале 1950-х годов она живет в Харькове, учится в университете, а после выпуска никак не может найти подходящую работу. В письме от 12 августа 1951 года Гроссман рассказывает отцу о ее каникулах:

Получил от Кати письмо. Ей продлили путевку еще на месяц, так что она останется в Коктебеле до конца августа, почти до самого дня начала занятий. Письмо прислала веселое, радостное – очень довольна, нравится природа, люди, хорошо проводит время в прогулках, подружилась с Чуковскими и с дочкой Усиевич – очень милой девушкой.

В этом отрывке, предположительно, идет речь о Николае Корнеевиче Чуковском (1904–1965) и его жене Марине Николаевне (1905–1993), а возможно, и об их детях: Наталье (р. 1925), Николае (1933–1922), Дмитрие (р. 1943). Дочь литературно-критика Елены Феликсовны Усиевич (1893–1968) – Искра-Марина (1926–2004).

17 августа 1951 года Гроссман снова пишет об отдыхе Кати:

От Кати имел вчера письмо. Она осталась в Коктебеле на второй срок, а после истечения второго срока проживет еще в деревне (под Коктебелем) шесть-семь дней. Вернется в Харьков к самому началу занятий. Письмо ее меня порадовало своей теплотой, а главное тем, что пишет о прекрасном самочувствии, о том, что отлично поправилась, довольна, счастлива, весела. Я от души всему этому рад – такие счастливые летние дни, знаю это по себе, запоминаются на всю жизнь и согревают человека в тяжелую, зимнюю пору. Хорошо, что у Кати будут такие дни.

Осенью 1954 года Гроссман по дороге в Коктебель видится в Харькове не только с дочерью, но и со своей первой женой – Анной Петровной Мацук (Галей). Он с беспокойством пишет отцу о Катиных трудностях с поиском работы:

В Харькове видел Катю и Гаю. Галя необычайно располнела, я ее не сразу узнал, можешь представить себе, – весит она 92 кило. У Кати до сих пор нет хороших новостей, все ищет работу, обещают, а потом не берут. У нее есть план поступления в заочную аспирантуру, но и для его осуществления необходимо быть на работе.

Гаю очень беспокоит пустота в ее личной жизни, – нет знакомых, нет увлечений. (20 сентября 1954, Коктебель)

Получил сегодня письмо от Кати, у нее появилась новая перспектива устроиться на работу, в Харьковском пригороде, в Институте Ветеринарном при кафедре английского языка. Вопрос этот, к сожалению, решится не сейчас, а в первых числах ноября. (7 октября 1954, Коктебель)

Из корреспонденции с отцом 1950-х годов узнаем мы и о встречах и общении Гроссмана не только с родственниками и близкими друзьями. Так, 21 февраля 1955 года он пишет из дома творчества писателей в Дубултах о знакомстве с Николаем Евгеньевичем Бурениным (1874–1962) – революционером, музыкантом, сопровождавшим Горького в его поездке в США и в качестве связного РСДРП(б), некоторое время жившим у Горького и в Италии.

Со мной за столом сидит приехавший несколько дней назад из Ленинграда старик, друг Горького, спутничавший ему во всех путешествиях, в Италии и пр. Старику 80 лет, приемному сыну его 62 год[а]. Приехал он довольно бойкий, на вид ему не больше 60–65. Но сегодня ночью уборщица, желая потрафить деду натопила печь так, что температура поднялась до 30°, и у бедного деда сделался сердечный припадок. Он расстроился и собрался ехать в Ленинград,

но его перевели в другую комнату, успокоили, и все вошло в норму. Он очень интересно рассказывает о всяких знаменитых людях, которых ему пришлось повидать, даже о Марк Твене.

Важнейшей находкой нам представляется и единственное обнаруженное на сегодня – и, возможно, единственное сохранившееся – письмо отца к Василию Гроссману. Написанное 20 сентября 1945 года, оно проливает свет на отношения Семена Осиповича с матерью Гроссмана Екатериной Савельевной. До настоящего момента было известно лишь, что после развода они остались друзьями и поддерживали переписку. В этом же откровенном письме Семен Осипович пишет сыну, что и после расставания продолжал любить Екатерину Савельевну, глубоко раскаивается в том, что не провел последние годы вместе с ней; пишет, что хотел бы погибнуть вместе с ней в Бердичеве. Приведем здесь лишь один фрагмент из этого трагического письма:

Кроме тебя у меня, ты знаешь, никого нет, с кем бы я мог говорить, что называется “на духу,” и вот скажу тебе, что, если можно говорить о греховности, то у меня в отношении мамы великий грех. Это я осознал еще до войны, и она постаралась ответить мне шуточным письмом, когда я писал ей, простит ли она мне все зло, что я учинил против нее, и согласится ли она жить со мной вместе, как со своим старым другом, если я добьюсь этой возможности. Теперь, сейчас я понял, что не так мне надо было поступить – я должен был поехать к ней и вымолить у нее для себя прощение за все содеянное. Мне нужно было при приближении того страшного времени, когда она осталась совершенно одна, сделать все, чтобы быть с ней вместе и погибнуть вместе с ней. Дорогой мой, как мне тяжело и горько сейчас – просыпаюсь ли ночью, стою ли я на берегу и гляжу на взбурдаженное море – меня мысль о маме не оставляет ни на одну минуту. Порой мне хочется плакать обильными слезами и никогда я не чувствовал так сильно ее утрату, как сейчас.

За всю жизнь я раза два собирался рассказать тебе все, чтобы ты знал, как все произошло, но мой рассказ всегда прерывался, и я не доходил до момента, когда вопрос касался моего к ней отношения и произошел разрыв между нами.

2.3 Записки из Литературного музея

К корпусу писем отцу мы добавили еще две не публиковавшиеся записки от 1935 года, хранящиеся в архиве Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля (ГЛМ ОР. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 1–2). Они были переданы в коллекцию музея в 2001 году Кукоевым Дмитрием Юрьевичем и позволяют более точно датировать перемещения Гроссмана между Москвой и Донбассом в 1935 году, а также свидетельствуют об общении Гроссмана с Борисом Губером. Пока нам неизвестно, каким образом эти две записки оказались у Дмитрия Кукоева, но надеемся в будущем найти ответ и на этот вопрос.

3. Переписка с Ольгой Губер

С Ольгой Губер, женой писателя Бориса Губера, Гроссман познакомился, когда завел дружбу с перевальцами в первой половине 1930-х. В октябре 1935 года Ольга Михайловна ушла к Гроссману, оставив мужу двух сыновей, Мишу и Федю, официально же новые отношения были оформлены 28 мая 1936 года. За почти 30 лет брака пара прошла через многое. В 1937 году арестовали и расстреляли Бориса Губера, вслед за ним в феврале 1938 арестовали и Ольгу; Гроссман забрал к себе Мишу и Федю и сумел высвободить из-под ареста жену. В 1942 году в эвакуации в Чистополе погиб 16-летний Миша. Серьезным испытанием для обоих стал роман Василия Гроссмана с Екатериной Заболоцкой, начавшийся в 1956 году. И, наконец, болезнь Гроссмана, которая дала о себе знать в 1962-м. Все эти годы, когда один из супругов находился в отъезде, между ними велась переписка – привычка, не нарушенная даже в те годы, когда Гроссман жил с Заболоцкой.

О том, что эта корреспонденция существует, уже было известно, в первую очередь из публикаций эпистолярного наследия, которые Федор Губер выпускал с конца 1980-х годов (Губер 1988; Губер 1989; Губер 1990; Губер 1996; Гроссман 1997; Губер 1998; Губер 2005). Конечным результатом этой работы стала книга *Память и письма. Книга о Василии Гроссмане*, вышедшая в 2007 году (Губер 2007). В этих публикациях, несомненно, было использовано множество ценнейших материалов из семейного архива, однако они имеют, скорее, мемуарный, чем научный характер. Эдиционные принципы здесь не всегда ясны, архивные источники не описаны и в основном цитируются выборочно, а не целиком; тексты не установлены критически, некоторые датированы неверно, регулярно нарушается их хронологический порядок.

Переписка Гроссмана с женой хранится в семейном архиве и до недавнего времени была недоступна исследователям. Мы познакомились с этими документами в два этапа.

На первом, описанном в нашей статье “Letters to father, wife and last love: Vasiliï Grossman’s epistolary legacy” (Krasnikova, Volokhova 2023), в мае 2023 Елена Федоровна Кожичкина передала нам для ознакомления три папки, в которых находились письма, конверты, открытки и телеграммы Гроссмана и Губер, собранные и систематизированные Федором Борисовичем. Документы в папках были рассортированы по конвертам формата С5, на которых стояли чернильные или карандашные пометки, сделанные Федором Губером. Эти пометки отражают его работу по датировке корреспонденции и упорядочиванию корпуса по хронологии – работу, которая не была доведена до конца. Хотя большинство датировок соответствуют действительности, одни материалы остались недатированными, другие были датированы неверно. В некоторых конвертах письма лежали в хронологическом порядке, в некоторых – нет. В папках были найдены 189 писем и открыток от Гроссмана к жене, 55 писем и открыток от Ольги Михайловны к мужу.

На следующем этапе, получив разрешение самостоятельно работать в архиве, мы обнаружили и другие письма обоих супругов. Они хранились разрозненно, иногда в неожиданных частях архива и не были систематизированы. В некоторых случаях мы находили отдельные страницы в разных местах и затем уже соединяли фрагмен-

ты. Один из примеров – письмо Ольги Губер мужу, написанное между 5 и 9 августа 1942 года: первый его отрывок хранился в папках, переданных Еленой Федоровной Кожичкиной на начальном этапе, а два других были найдены позднее в разных частях семейного архива.

На втором этапе нами было обнаружено более 70 писем и открыток Василия Гроссмана к жене, несколько сотен писем и почтовых карточек Ольги Михайловны к мужу. Этот корпус состоит из писем военного времени и писем, которые супруги отправляли друг другу, когда один из них находился в Москве, а другой в отъезде. Многие из обнаруженных на втором этапе писем были написаны Ольгой Губер из Коктебеля – с середины 1950-х по начало 1960-х годов она ездила туда отдыхать два раза в год. Некоторые фрагменты корреспонденции, с которой мы работали на втором этапе, цитировались Федором Губером в его книге *Память и письма* и были использованы в его публикациях в периодике, однако не публиковались полностью.

Самое раннее из писем, обнаруженных на этом этапе, датируется 14 сентября 1937 года и было отправлено Гроссманом из Одессы. В нем он сообщает жене, что его огорчила одна из рецензий на роман *Степан Кольчугин*. Из довоенных писем было также найдено два письма, отправленных Гроссманом во время круиза по Волге в июле 1940 года, который он совершал с отцом и друзьями, и два письма, отправленных в феврале и марте 1941 года из Риги и Вильянди во время совместной поездки с Александром Твардовским в страны Балтии.

К корреспонденции военного периода на втором этапе добавилось еще 49 писем и открыток Гроссмана, адресованных жене, и 20 посланий, написанных Ольгой Губер. Таким образом, корпус переписки супругов в годы войны в общей сложности включает в себя 164 документа и на данный момент является самым крупным документальным источником, относящимся к этому периоду биографии Гроссмана (для сравнения, военных писем к отцу сохранилось всего 35). Письма 1941–1945 годов содержат множество сведений об обстоятельствах работы Гроссмана военным корреспондентом, условиях создания и публикации повести *Народ бессмертен* и военных очерков.

Если о публицистике Гроссмана, выходявшей на страницах *Красной звезды*, было известно и прежде, то сейчас переписка с женой проливает свет на сотрудничество писателя и с другими периодическими изданиями. Обнаруженные письма позволили нам установить некоторые публикации Гроссмана военных лет, которые ранее не попадали в поле зрения исследователей. Так, например, 19 июля 1942 года Гроссман писал Ольге Губер:

Возможно, что мое пребывание в Москве продлится еще на месяц – мне предложили написать брошюру о Гастелло и дадут на месяц освобождение от корреспондентской работы.

Хотя Гроссман не получил освобождения от работы и не написал брошюру о военном летчике Николае Гастелло (1907–1941), благодаря этому упоминанию мы установили, что в 1941 году в журнале *Красноармеец* вышел один из первых военных очерков Гроссмана “Капитан Гастелло” (Гроссман 1941).

Выяснилось также, что ранние очерки, написанные Гроссманом во время его нахождения на южном фронте (“Дружба,” “Слово о шахтерских полках,” “Риск”), не были приняты *Красной звездой*, но их опубликовал журнал *Знамя* в двоекном номере за май-июнь 1942 года (Гроссман 1942). Эти очерки также никогда прежде не анализировались исследователями.

Корреспонденция содержит и множество других неизвестных или малоизвестных фактов о писательской работе Гроссмана. Например, о его участии в создании документального фильма *Сталинград* (1943, реж. Леонид Варламов): после возвращения из Сталинграда в Москву в начале 1943 года Гроссман начал писать дикторский текст к фильму, в кадре этот текст был прочитан Юрием Левитаном. 14 февраля Гроссман пишет жене:

Милая моя Люсенька, пишу тебе все еще из Москвы, мой отъезд задержался на неделю, сперва из-за работы над фильмом *Сталинград*, а теперь из-за отсутствия летной погоды. Вероятно, улечу завтра или послезавтра. Над фильмом работал, как бешеный, день и ночь – это хроникальный фильм, получился интересно, обязательно посмотри, если будут его показывать в Чистополе.

Участие в этом проекте, как свидетельствует корреспонденция, было важно для Гроссмана еще и потому, что в конечном счете позволило организовать переезд семьи из Чистополя в Москву. В письме Ольге Губер от 17 февраля мы читаем:

С фильмом моим уже всю работу кончил, писал уже тебе об этом. Фильм уже озвучен и “ошумлен” страшной пальбой. Это “не Рембрант,” но интересно смотреть. Ты обязательно его посмотри.

Денег мне еще не заплатили, переведут недели через две на сберкнижку (10.000 р[ублей]). Это нам пойдет на молодоженное устройство наше в Москве, когда приедешь.

Корпус переписки с женой военного периода позволяет многое узнать и о людях, с которыми Гроссман находился на фронте, и о взаимоотношениях с ними. В корреспонденции супругов запечатлена драма семьи, разделенной войной. По письмам к отцу уже было известно, что Гроссман постоянно думал о судьбе матери, оставшейся в Бердичеве и расстрелянной 15 сентября 1941 года (о чем родные узнали, конечно же, значительно позже). В письмах же к Ольге Губер мы видим, что Гроссман крайне тревожился и за своего отца, который находился в эвакуации сначала в Ташкенте, а затем в Самарканде. Он не только регулярно отправлял ему деньги, но и всеми силами стремился вернуть его в Москву. 29 июня 1942 Гроссман пишет жене:

От папы много писем, он в очень тяжелом положении, болен, было у него что-то вроде гангрены, он долго лежал один без всякого ухода. Не знаю, удастся ли получить для него визу на возвращение в Москву. Попробую, во всяком случае.

В письме от 6 июля продолжает звучать беспокойство об отце и его здоровье:

Беспокоит меня папино здоровье. Я тебе уже писал, что он тяжело заболел. А тут как на зло писем нет от него – я уже послал ему телеграмму.

В Ташкент также эвакуировалась первая жена Гроссмана. Мы узнаем, что он состоял с ней в переписке и получал от нее сведения об их дочери Кате. 5 октября 1942 он пишет Ольге Губер из Сталинграда:

Получил две открытки от Гали, ее муж [*Виктор Георгиевич Баранов*. – Ю.В., А.К.] сейчас в Ташкенте – получил инвалидность на три месяца. Катюша вернулась из детского лагеря поправившейся, но по приезду заболела тропической малярией и, конечно, сразу все спустила.

Письма Ольги Губер к мужу запечатлели ее жизнь в Чистополе, взаимоотношения с мужем, трагическую историю гибели старшего сына – Миши Губера. Ценны они и как свидетельство о жизни других писательских семей, оказавшихся в эвакуации в Чистополе: Твардовских, Асеевых, Гехтов и многих других. Письма изобилуют бытовыми и житейскими подробностями, создают объемную картину жизни в тылу и показывают будничное, непарадное лицо войны.

Из послевоенной корреспонденции, как уже упоминалось выше, мы добавили в подборку, готовящуюся к публикации, все найденные письма Гроссмана: их 20, датируются они 1957–1963 годами. Из множества обнаруженных нами писем Ольги Михайловны было добавлено лишь несколько, отправленных в 1955–1959 годах.

Здесь мы остановимся на некоторых документах из этой части корреспонденции и содержащихся в них фактах.

Если ранее нам были известны письма Гроссмана, отправленные жене из дома творчества писателей в Дубултах в феврале 1955 года, и благодаря им мы могли составить представление о его работе, знакомствах, занятиях в латвийской поездке, то, обнаружив письма Ольги Михайловны в Дубулты, мы можем реконструировать некоторые обстоятельства московской жизни писателя этого времени.

Так, мы узнаем некоторые подробности о дружбе семейств Гроссманов и Заболоцких. 10 февраля 1955 года Ольга Губер пишет:

Звонила Екатерина Васильевна вчера, рассказывала, что сердце у Николая Алексеевича продолжает болеть, но завтра они будут уже в Москве, продлевать путевки не будут.

Судя по всему, две семьи действительно много общались в первой половине 1950-х годов. Ольга Михайловна упоминает о Заболоцких регулярно, уже в следующем по хронологии письме, от 14 февраля, она сообщает:

Вчера заходила к нам Екатерина Васильевна. Она поздоровела и посвежела, говорит, что Н[иколай] А[лексеевич] чувствует себя лучше, но спазмы по ночам продолжают. Каждый день они ходят гулять – вижу их в окно.

Среди друзей и знакомых, о которых также пишет Ольга Михайловна в феврале 1955 года: Вячеслав Ковалевский, Виктор Некрасов, Екатерина Строгова, Корней Иванович, Мария Борисовна и Николай Чуковские, Фаина Школьниковна, и другие.

Если говорить о круге общения Гроссмана, его письмо от 13 мая 1957 года, найденное в семейном архиве, содержит ранее неизвестную информацию о том, что Гроссман поддерживал контакты с семьей Александра Воронского:

Дорогая Люся, пишу тебе после совещания, которое закончилось лишь к 7 часам вечера. Поэтому оба мои визитера пришли в мое отсутствие, – и муж Гали Воронской, и молдавский писатель.

Лидер литературной группы *Перевал* был репрессирован и расстрелян в 1937 году, вскоре была арестована и его дочь Галина Воронская (1914–1991), в 1959 году вместе с семьей она вернулась с Колымы в Москву. Ее муж Иван Степанович Исаев (1907–1990) также был осужден в 1937 году на пять лет лагерей и реабилитирован в 1955 году, он дружил с Варламом Шаламовым и, как показывает обнаруженное письмо, наносил визиты Гроссману.

На втором этапе нашей работы с архивом к переписке во время поездки Гроссмана в Ялту в марте 1959 года добавилось 12 писем Ольги Губер, из которых, среди прочего, мы узнаем о том, что в этот период дочь Гроссмана Катя живет в Москве в семье Виктора Шеренциса, двоюродного брата писателя, и пытается организовать приезд в столицу своей матери.

Вчера звонила я Шеренцисам, чтобы узнали здоровье Кати [*sic!* – Ю.В., А.К.]. Подошел к телефону Витя, который сказал, что Катя в 2 часа ушла на работу, – я спросила, как ее здоровье, – он сказал, что она здорова, только киснет. (6–7 марта 1959)

В субботу звонила Катя, она здорова, сказала, что получила от тебя письмо. Все никак не найдет комнаты, куда бы могла приехать ее мать. (16 марта 1959)

Эти письма также содержат информацию о готовящихся изданиях Гроссмана и редакционных делах. Например, в письме от 26 марта 1959 года Ольга Губер сообщает мужу о том, что рассказ *Тиргартен* так и не был помещен в журнале *Знамя*.

Звонила [Мариам] Черневич [*подруга Гроссмана и Губер, переводчица с французского.* – Ю.В., А.К.] – знакомая ее сказала ей, что в журнале “Знамя” напечатан твой рассказ, “Тиргартен” – она просмотрела последний журнал и не нашла. Спрашивала меня, что это значит.

Как выяснится позже, рассказ не был допущен к публикации цензурой и снят из номера в последний момент. Об этом, среди прочего, свидетельствует донесение, отправленное в ЦК 25 февраля 1960 года руководителем Главлита Павлом Романовым, в котором, в частности говорилось: “Редколлегия журнала *Знамя* упорно отстаивала

это идейно неполноценное произведение, всячески добиваясь его опубликования. Указанное произведение по рекомендации Отдела культуры ЦК КПСС не было помещено в журнале.” (От редакции 1996, 291–292)

На втором этапе работы с архивом также были найдены четыре письма Гроссмана Ольге Губер, отправленные из Москвы в Коктебель в сентябре и октябре 1961 года, в которых Гроссман, начав работу над переводом романа Рачия Кочара *Дети большого дома* в Москве, регулярно пишет о своем беспокойстве из-за длительного молчания автора и издательства. Как, например, в письме от 4 октября 1961 года:

Я продолжаю работать над переводом, но меня, конечно, нервирует молчание автора и издательства, хотя Сема и уверяет меня, что это обычная суета и топтание, сопутствующее подобным переводческим делам.

6 октября Гроссман вспоминает день сдачи рукописи *Жизни и судьбы* в редакцию, а также вновь делится с женой своей тревогой из-за того, что работает над литературной обработкой подстрочного перевода романа без договора, аванса или каких-либо гарантий со стороны издательства.

Сегодня год, как я сдал рукопись в редакцию, – печальная годовщина. Много мыслей вызывает она.

Из Еревана по-прежнему ничего нет. Вчера послал Кочару телеграмму, очень спокойную, но с просьбой объяснить длительное молчание.

Работа сильно продвинулась вперед, заканчиваю через неделю перевод 1-го тома, это будет половина работы. Думаю, что есть основания тревожиться по поводу упорного молчания автора и толстой Асмик [Таронян] [*переводчица с армянского, сделавшая подстрочник с романа Кочара*. – Ю.В., А.К.].

Ведь по условию я уж должен был к началу октября выезжать в Армению, а мне ни слова не написали, да и денег не присылают, и договор не оформили.

И только 10 октября, уже проделав около половины работы, он с облегчением сообщает о получении известий из Еревана:

Милая Люся, наконец получил телеграмму из Еревана. Телеграмма очень сердечная, Кочар пишет, что дом творчества закрыт на ремонт, откроется во второй половине октября, что деньги переведут мне в районе 15-го октября. Одновременно пришла телеграмма от издательства, что договор утвержден, и деньги будут высланы, – в ней смешная фраза: “ближайшее время пригласим” – так бедным родственникам пишут.

В общем, с этим делом пока все в порядке.

Следующие десять писем Гроссмана, обнаруженных на втором этапе нашей работы, были отправлены им из Москвы во время поездки Ольги Губер в Коктебель в мае–июне и в октябре 1962 года.

Из них мы узнаем о публикации рассказа *Дорога*, о попытках напечатать в журнале *Москва* рассказ *Лось*, о работе над путевыми заметками *Добро вам!* и попытках опубликовать их в *Новом мире*.

Кроме того, было найдено еще пять писем, которые хронологически завершают корпус переписки Василия Гроссмана и Ольги Губер. Это письма, которые Гроссман в сентябре и октябре 1963 года отправлял жене, отдохавшей в Коктебеле, из санатория в Архангельском, а потом, после выписки, из Москвы, из их квартиры на Беговой. В последнем из них, от 6 октября 1963 года, в день возвращения домой он пишет:

У меня бодрое, рабочее настроение, и меня это очень удивляет – откуда оно берется? Кажется, давно уж должны были опуститься руки, а они, глупые, все тянутся к работе.

4. *Корреспонденция, не вошедшая в сборник*

К настоящему моменту в семейном архиве мы обнаружили еще ряд писем, которые, хотя и представляют большую ценность, не войдут в готовящийся к публикации том: прежде всего, это письма матери Гроссмана Екатерины Савельевны к его отцу Семену Осиповичу и самому Гроссману; письма Гроссмана к матери, написанные им после ее смерти; письма Ольги Губер, о которых мы уже упоминали выше; письма Гроссмана к пасынкам Михаилу и Федору Губерам и письма пасынков к нему; отдельные письма Михаила Зощенко, Бориса Пастернака, Рувима Фраермана, Виктора Некрасова, Бориса Ямпольского и других писателей; корреспонденция друзей и родственников (Николая Сочевца, Семена Тумаркина и др.), письма читателей, официальные письма из организаций. Работая с уже найденной корреспонденцией, мы также продолжаем работу в архивах и надеемся, что нас ждут новые находки.

Список литературы

- Anissimov, Myriam. 2012. *Vassili Grossman: un écrivain de combat*. Paris: Éd. du Seuil.
- Garrard, Carol, John Garrard. 1996. *The Bones of Berdichev. The life and fate of Vasily Grossman*. New York: Free Press.
- Krasnikova, Anna, Julia Volokhova. 2023. “Letters to Father, Wife and Last Love: Vasilii Grossman’s Epistolary Legacy.” *L’analisi linguistica e letteraria* 3: 5–24.
- Popoff, Alexandra. 2019. *Vasily Grossman and the Soviet Century*. New Haven/London: Yale University Press.
- Бит-Юнан, Юрий, Давид Фельдман. 2016. *Василий Гроссман в зеркале литературных интриг*. Москва: Форум: Неолит.
- Бочаров, Анатолий. 1990. *Василий Гроссман: Жизнь, творчество, судьба*. Москва: Советский писатель.
- Волохова, Юлия. 2020. “Искрящееся обаяние доброты. Памяти Екатерины Васильевны Коротковой-Гроссман.” *Colta. Литература* 16 октября. <https://www.colta.ru/articles/literature/25675-yuliya-volohova-pamyati-ekateriny-vasilievy-nu-korotkovoy-grossman> (последнее обращение 7 ноября 2024).

- Гроссман, Василий. 1941. “Капитан Гастелло.” *Красноармеец* 15: 7–9.
- Гроссман, Василий. 1942. “На южном фронте, очерки.” *Знамя* 5–6: 104–120.
- Гроссман, Василий. 1952. “За правое дело.” *Новый мир* 7: 3–132; 8: 74–228; 9: 5–123; 10: 128–210.
- Гроссман, Василий. 1997. “Из архива Василия Гроссмана.” Вступительные заметки и публикация Ф. Губера. *Вопросы литературы* 4: 321–332.
- Гроссман, Василий. 2016. “Письма Семену Липкину (1949–1963).” Предисл., публ. и комментарии Елены Макаровой. *Знамя* 6: 127–166. <https://znamlit.ru/publication.php?id=6288> (последнее обращение 7 ноября 2024).
- Губер, Федор. 1988. “Письма матери, письма к матери.” *Неделя* 41: 18.
- Губер, Федор. 1989. “Память и письма.” *Труд* 20 октября: 3.
- Губер, Федор. 1990. “Память и письма.” *Даугава* 11: 96–118.
- Губер, Федор. 1996. “‘Осуществляющий жизнь так, как хотелось...’ (Из книги о Василии Гроссмане ‘Память и письма’).” *Вопросы литературы* 2: 255–289; 3: 256–290.
- Губер, Федор. 1998. “Гроссман в последние годы жизни.” Вступительная заметка и публикация Ф. Губера. *Вопросы литературы* 4: 321–326.
- Губер, Федор. 2005. “‘...Ты будешь жить в той книге, которую я посвятил тебе.’” *Вопросы литературы* 3: 59–67.
- Губер, Федор. 2007. *Память и письма. Книга о Василии Гроссмане*. Москва: Пробел-2000.
- От редакции. 1996. “Ошибочные произведения. Исключительный гонорар. Публикация Р. Романовой.” *Вопросы литературы* 3: 291–303.
- Рапопорт, Александр. 2008. “Е.В. Короткова-Гроссман: ‘Из противостояния с системой отец вышел победителем.’” *Лехаим* 5 (193). <https://lechaim.ru/academy/ekaterina-korotkova-grossman-iz-protivostoyaniya-s-sistemoj-otets-vyshel-pobeditelem/> (последнее обращение 7 ноября 2024).